

Книги вразнос.

Что у нас переводят. И как

Экспресс-рецензии Даши Сиротинской

[281]

ИЛ 11/2019

ЭЛИЗАБЕТ БОУЭН *Смерть сердца* / Перевод с английского Анастасии Завозовой — М.: Фантом-пресс, 2019

Казалось бы, самое время раскудахтаться, превознося старую литературу и сокрушаясь над новой: вот умели же писать! И в самом деле, заглядывая под нарядные обложки современных книг и уныло наблюдая за очередным приступом плохо переведенных псевдоинтеллектуальных потуг, не можешь не обрадоваться словесной изысканности текста давно прошедшей эпохи, не можешь не увидеть между строк принципиально иное авторское отношение к литературному творчеству. Возвращать к жизни произведения, по тем или иным причинам ускользнувшие от читательского внимания, — одна из самых благородных переводческих задач. Роман Элизабет Боуэн, англо-ирландской писательницы первой половины прошлого века, вхожей в Группу Блумсбери, — произведение с точки зрения сюжета незамысловатое. Это хорошо нам знакомая история непосредственного и яркого героя, который не выдерживает столкновения с миром систематического, для всех удобного лицемерия — с миром узаконенной *нормальности*. Проверенный способ развлечься: загляните в личный дневник

ранимой, тонко чувствующей девушки, ужаснитесь прочитанному, начните вести себя с ней так, как она того заслужила, — и наслаждайтесь результатом. Ближе всего нас познакомил с этим сюжетом романтизм, который был от него без ума, — но Боуэн раскрывает его как модернист, через болезненное столкновение бытового психологизма и витиеватой прозы, которая заполняет пустоты между чеховскими разговорами глухонемых вязкими красотами. Пока герои мучительно пытаются озвучить собственные мысли и чувства, детали говорят вместо них, да не просто говорят: голосят, гомонят, перебивают друг друга — детали просто напичканы всевозможными смыслами. Для переводчика тут раздолье — можно вытащить из-под спуда редкие русские слова, вышедшие из моды, но столь милые сердцу инверсии, гирлянды засушенных впрок синонимов. Праздник! Но Анастасии Завозовой на этом празднике не больно-то весело. Ей с этими поствикторианскими шарадами приходится несладко; ей прямо-таки тяжело, и она хочет, чтобы читателю тоже было тяжело: он у нее вдоволь напрыгается через швы между нарочитой несовременностью и усложненностью лексики и синтаксиса — и абсолютно просторечными оборотами. Ска-

зять, что перевод не удался совсем, нельзя — скорее, у Завозовой не получилось до конца выдержать стиль и создать текст, который воспринимался бы как нечто целостное. Эта переводческая неточность улавливается в мелочах по всему тексту, и поэтому — вроде бы книжка читается себе и читается, а с другой стороны — не поймешь, что это перед тобой такое: то ли поствикторианский роман, то ли пародия на поствикторианский роман, то ли сценарий какого-то костюмированного сериала. Словом, читателю предстоит нешуточная стилистическая гимнастика. Может быть, это даже как-то связано с названием романа.

ФРЕДРИК БАКМАН *Медвежий угол* / Перевод со шведского Ксении Коваленко и Марии Людковской — М.: Синдбад, 2019

И снова я решила написать о Бакмане. Это вовсе не потому, что у меня с ним какие-то личные счеты (как можно было бы подумать), а потому что на этот раз вышла книжка, что называется, не такая как все: Бакман решил наконец-то отступить от своего амплуа плюшевого медведя и попробовать силы в психологическом реализме, написать жесткую историю — и притом о подростках (чего уж болезненнее), чтобы все привыкшие нежиться в уютных объятиях его текстов уж точно с размаху насажали себе шишек если не на всю жизнь, то хотя бы до следующего романа. В конечном счете это, конечно же, снова история о надрывном, жадном поиске любви — и мощностъ тут усилена вдесятеро, ведь речь,

повторюсь, о подростках. Несколько главных героев, несколько семей, общий на всех маленький бакмановский городок и общий центр притяжения — предстоящий хоккейный матч, от исхода которого будет зависеть судьба всего города и каждого из героев в отдельности. Трагическим эхом этой внешней теме — воодушевляющей и по большому счету праздничной — вторит история внутренняя, темная, страшная, но такая же, в общем-то, понятная и предсказуемая, как первая. Поскольку речь у нас не о детективе, постольку можно, наверное, сразу же всех предупредить, что история эта об изнасиловании. При этом автор все нагнетает, и нагнетает, и нагнетает интригу — якобы мы все до сих пор не поняли, что у них там в этом медвеьем углу произошло, — и довольно быстро это начинает раздражать. Не очень-то приятно чувствовать себя идиотом, которого к тому же нарочно запугивают добрых триста страниц. Да, спору нет, тема заявлена актуальная — а в современном российском контексте это и вовсе тема-бомба — но нельзя же при такой серьезной теме строить повествование настолько наивно. Переводчицы с их словесной неряшливостью, со всеми этими “усилием воли подавив панику от грязи на пальцах” и тому подобными оборотами — наносят еще один (и самый серьезный) удар по этому и без того шаткому произведению, и ощущение качественного текста испаряется окончательно. Психологическая драма, на которую мы поставили в начале, превращается в слабый чернушный романчик с дальней полки, и я уве-

рена, что в данном случае Бакман этого не заслуживает. Он попытался сделать рывок, поставить эксперимент над своим писательским “я” — и поэтому “Медвежий угол” стоит хотя бы просмотреть. Кто знает — может быть, однажды и допишется шведский симпатяга до чего-то большего. Но лучше бы на русский переводил это “больше” кто-нибудь другой.

КРЕТЬЕН ДЕ ТРУА *Ланселот, Ивейн* / Перевод со старофранцузского В. Б. Микушевича — М.: Ладомир, серия “Памятники всемирной литературы”, 2019

Думаю, добравшись до последней рецензии и увидев имя Кретьена де Труа, вы удивитесь: кажется, дальше в дремучие списки филфака забредать просто некуда. А между тем “Лит. Памятники” (а точнее, родственная серия “Памятники всемирной литературы”, которая появилась в издательстве “Ладомир” не так давно) выпустили настоящую новинку, и у нее есть все шансы заинтересовать широкого читателя, для которого атмосфера средневековой романтики по-прежнему остается одной из самых соблазнительных. Все любят рыцарей, но не все знают их по именам, и уж тем более не каждый имеет представление о том, какие именно тексты породили всю эту непролазную массу теле-, кино- и литературных “вариаций на тему”. Возможно, полный и обновленный перевод двух культовых рыцарских полусказок Средних веков — отличный повод наконец в это вникнуть — или перечесть то, что уже давным-

давно отложено на полку обязательного и с триумфом преодоленного чтения. Владимир Микушевич, который опубликовал сокращенный перевод “Ивейна” еще в 70-х годах, взялся перевести недостающие отрывки — и, как это всегда бывает с писателями и переводчиками, над нескончаемыми правками которых рыдают редакторы, и с художниками, которых в галереях не подпускают к собственным картинам, законно опасаясь кистей за голенищем, — фактически создал новый перевод. “Ланселот” же, как мы помним, был переведен на русский впервые совсем недавно — Ниной Забабуровой и Александром Триантафилиди в 2012 году. У Микушевича он более чистый, спокойный, гораздо менее витиеватый — что куда вернее с точки зрения литературной истории. И, что первоначально важно для понимания обоих романов — более ироничный. В этом издании истории двух рыцарей стилистически и ритмически и впрямь напоминают рифмованные сказки. И слова здесь те самые, из детских книжек с картинками: “девица” (которая так замечательно рифмуется с чем угодно), “мужлан”, “дескать”, “вражь”, “кичиться”, “лиходей” и т. п. — мгновенный эффект узнавания для русского слуха! Если выбросить, наконец, из головы страшную цифру: оба романа были написаны почти тысячу лет назад! — то волей-неволей задумаешься: уж не увлечься ли и мне этим пожелтевшим и почерневшим от времени бестселлером XII века? Надо только не забыть фонарик взять с собой под одеяло — все-таки тоже бодрит.